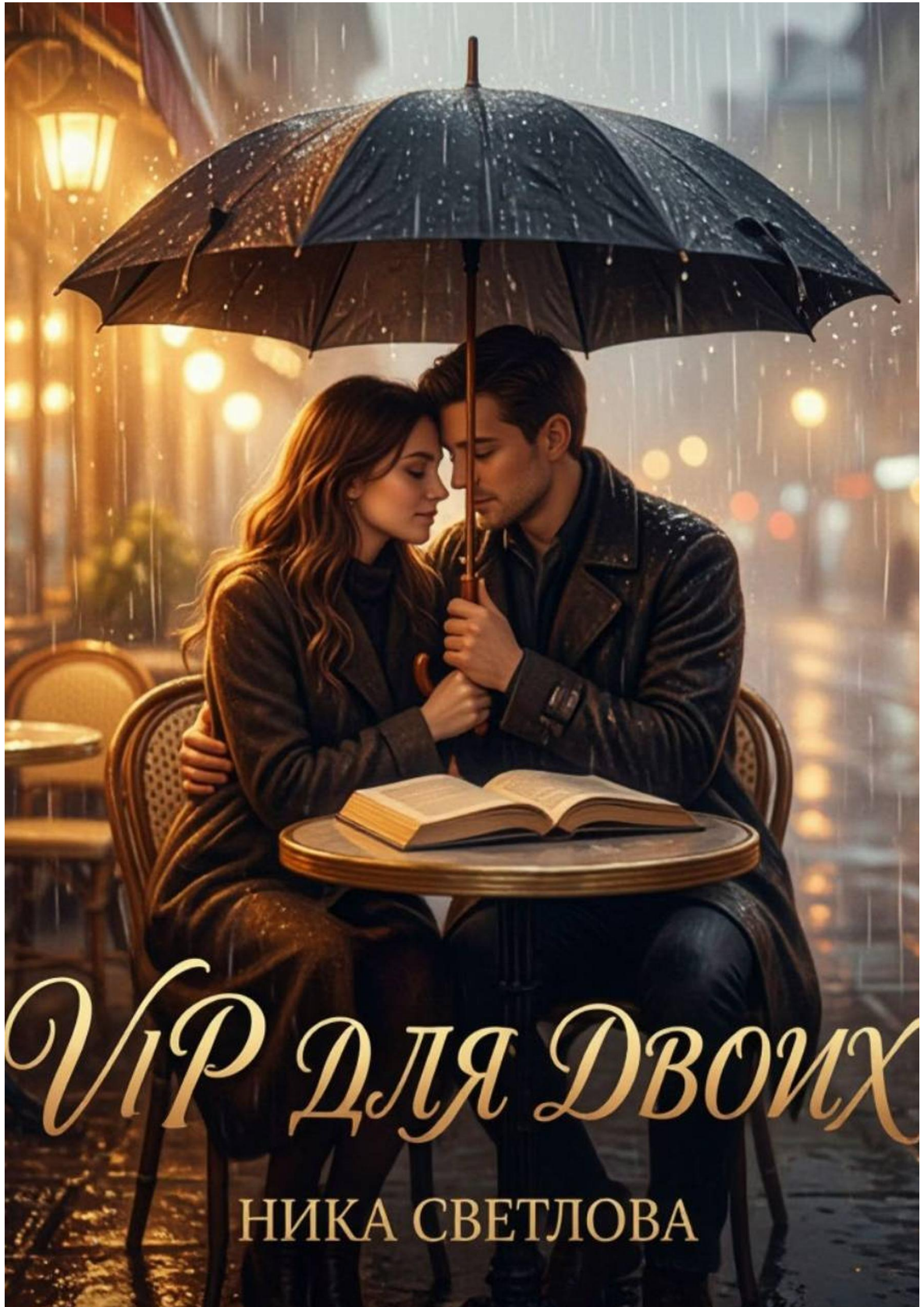

Вір для Двоих

НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова

VIP для двоих

«Автор»

2026

Светлова Н.

VIP для двоих / Н. Светлова — «Автор», 2026

«VIP для двоих» — история о любви, которая начинается там, где заканчиваются правила. Лиза живёт тихо, работая швеёй и заботясь о больной бабушке. Её мир — простой, тёплый, но хрупкий. Глеб Романов — наследник богатой семьи, привыкший к свету камер, дорогим клубам и пустым отношениям. Их миры не должны были пересечься. Но однажды случай сводит их в закрытом клубе, где всё решает браслет на запястье и взгляд, в котором впервые появляется искренность.

© Светлова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ника Светлова

VIP для двоих

Глава 1

Настя влетела в мою комнату без стука. Это было в её духе, появляться, как ураган, переворачивать всё вверх дном и исчезать, оставляя после себя шлейф дорогих духов и ощущение, что обычная жизнь дала трещину.

Но в этот раз в каждой руке у неё было по пакету из бутиков, а на шее новая золотая цепочка, которая стоила больше моей месячной зарплаты.

— Лиза, спасай, — выдохнула она, швыряя пакеты на кровать. — У меня через час съёмка, а я забыла про брата Димы. Ему в аэропорт к одиннадцати, а мне в девять надо быть в клубе. Ты должна пойти вместо меня.

Я сидела на полу, обложившись выкройками. Бабушка Галина Васильевна ждала это платье уже третью неделю, и я обещала закончить к субботе. Иголка замерла в пальцах.

— Я? В клуб? — я подняла бровь. — Настя, там вышибалы и фейсконтроль. Меня вычислят за пять секунд.

— А ты возьми браслет. — Она щёлкнула коробочкой, и на мою ладонь упала золотая змейка с блестящим замком-клипсой. — Это пропуск. Запасной. У меня их два. Ты просто посидишь час за моим столиком, выпьешь сок и принесёшь Галине Васильевне тот самый торт.

Я замерла. Она знала на что давить.

За неделю до этого я застала бабушку на кухне в третьем часу ночи. Она сидела над старой тетрадью с выпадающими страницами и перелистывала её так медленно, будто боялась повредить.

— Бабуль, ты чего не спишь?

Она подняла на меня глаза. В них стояли слёзы. Я не видела бабушку плачущей никогда, а тут слёзы текли по её морщинистым щекам, и она даже не вытирала их.

— Лизонька, я сегодня думала о том торте. И поняла, что не могу вспомнить, какой именно был крем. Масляный или заварной? Я перепробовала всё, но он всё равно не тот, как будто память стёрла самую важную деталь.

Я села рядом на табуретку, взяла её руки в свои. Они дрожали.

— Расскажи мне про него.

Она закрыла глаза, и я увидела, как её лицо разгладилось. Она перенеслась туда в прошлое.

— Я работала в той кондитерской в конце восьмидесятых. Невский, старый дом с лепниной. Мы пекли торты для закрытых дегустаций, для министерств, для высоких гостей. А потом приехал московский технолог. Такой молодой, красивый. Сказал, что привёз бабушкин рецепт. — Она улыбнулась, и в этой улыбке промелькнуло что-то девичье, почти кокетливое. — Мы попробовали этот торт на дегустации. Коржи хрустят, крем лёгкий, а сверху чёрная икра, как драгоценные бусины. Я тогда подумала, вот оно, настоящее счастье. Доступное каждому кто попробует этот кусочек.

— А потом?

— А потом кондитерскую закрыли. Перестройка. Рецепт исчез. Того технолога я больше не видела. — Она открыла глаза и посмотрела на меня с такой тоской, что у меня сжалось сердце. — Я не хочу умереть, так и не попробовав его снова, Лиза.

Она улыбнулась, чтобы я не испугалась. Но я видела в её глазах почти угасшую надежду.

Врач сказал нам правду месяц назад. Рак. Четвёртая стадия. Химиотерапия не помогала, и бабушка сама попросила прекратить мучения. «Хочу уйти достойно, — сказала она тогда. — Дома. С чаем и воспоминаниями». Я рыдала в подушку три ночи, а на четвёртую взяла себя в руки. Если у неё осталось одно желание, я должна его исполнить.

— Настя, ты серьёзно? — спросила я, сжимая браслет.

— Серьёзнее некуда. Я вернусь через час. Ты просто посидишь, а потом мы попросим торт. Ей нужна цель. Ты же знаешь.

Я знала.

— Хорошо. Но только на час.

Через полчаса я стояла перед зеркалом в чёрном платье с открытыми плечами. Настя стащила с меня старую футболку быстрее, чем я успела возразить. С глазами, подведёнными так, что я сама себя не узнавала. В зеркале отражалась не Лиза, швея с фабрики мороженого, где пахнет ванилью и холодом, а совсем другая девушка. Смелая или отчаянная, я и сама не понимала.

— Красотка, — сказала Настя, целуя меня в щёку. — Столик номер семь. Сиди и жди.

Она вылетела, оставив после себя шлейф духов и ощущение, что обычная жизнь кончилась. А я посмотрела на браслет, который лежал на запястье, как обещание, и вышла в ночь, встретившую меня мокрым асфальтом и предчувствием, что сейчас случится что-то важное.

Глава 2

Клуб был огромным стеклянным кубом. Золото, мрамор, люди, которые выглядели так, будто родились в этих стенах. Я чувствовала себя мышью на выставке кошек, но вспомнила бабушку и подошла к стойке.

— Столик номер семь, — сказала я, показывая браслет.

Меня проводили в угол с мягким диваном. Я заказала сок и уставилась на витрину с десертами. Слоёный торт с чёрными бусинами икры стоял там. Я смотрела на него как заворожённая. Это был он. Я узнала его по описанию бабушки, та самая игра света на маслянистом креме, те самые икринки, разложенные с ювелирной точностью.

— Девушка, пройдёте. — Пальцы администратора сжали моё запястье. — Ваш браслет недействителен.

Сердце рухнуло в пятки. Я попыталась выдернуть руку, но он держал крепко.

— Это ошибка. Он моей подруги. Она скоро придёт.

— Выход там.

— Она со мной.

Голос был тихим, но в нём звучала такая уверенность, что администратор мгновенно побледнел. Я обернулась. Парень в простой белой футболке и джинсах. Он выглядел здесь таким же чужеродным, как и я, если бы не глаза. Серые, глубокие, и смотрели они так, будто я была не чужой, а своей.

— Простите, я не знал... — залепетал администратор.

— Теперь знаешь. Иди.

Он исчез. А парень снял с запястья свой браслет. Он был настоящий, тяжёлый, с гравировкой внутри. И надел на меня, поверх моего, фальшивого. Его пальцы задержались на моём запястье на секунду дольше, чем нужно, и я почувствовала, как этот секундный контакт отозвался где-то глубоко внутри. По коже пробежали мурашки, и я постаралась не показать вида.

— Ты кто? — выдохнула я.

Он улыбнулся. В улыбке не было насмешки только тепло. И какая-то грусть, которую я не могла объяснить.

— Можно просто Коля. Дегустатор. А ты?

— Лиза.

Он взял меня за руку и повёл к столику в углу. Когда подошёл официант, я, сама не зная зачем, сказала:

— Пиво. Тёмное. Гиннесс, если есть. И картошку фри. В бумажной коробке.

Коля от души расхохотался. И я увидела, как за этим смехом исчезает маска светского человека, которую он носил, сам того не замечая.

— Ты серьёзно? Никто никогда не заказывал у меня пиво.

— Тогда сейчас узнаешь.

Принесли заказ. Он сделал глоток, и его лицо изменилось. Исчезла светская маска, проступило что-то настоящее. Он смотрел на кружку так, будто видел её впервые.

— Чёрт. Это вкусно. Я не пил пиво лет пять.

— Потому что шампанское для притворства, — ответила я, — а пиво для души.

Он смотрел на меня так, будто я только что открыла ему глаза на что-то важное. И в этом взгляде я увидела не просто интерес мужчины к женщине. Я увидела, как один человек вдруг узнаёт другого. Без слов. Без условий.

— Расскажи, откуда ты, — попросил он.

И я начала рассказывать. О фабрике мороженого, где пахнет ванилью и холодом, и где я работаю с шестнадцати лет, потому что больше некому было зарабатывать. О бабушке, которая

научила меня шить и петь старые песни, и которая теперь медленно угасает. О том, как она ищет рецепт «Наполеона» с икрой из её молодости. И о том, как я боюсь не успеть.

Коля слушал не перебивая. Когда я замолчала, он взял мою руку и просто сжал её в своей. И я почувствовала, как напряжение, которое я носила в себе месяцами начало отпускать.

— Ты удивительная, — сказал он.

А потом за соседним столиком кто-то резко засмеялся. Я обернулась. Высокая худая девушка в платье, которое стоило больше моей квартиры. На запястье такой же браслет, как у Коли.

— Ой, смотрите-ка, — протянула она. — Коля, ты с кем? Это же та самая из «Макдональдса»! Как она сюда попала?

Я похолодела. Я действительно работала в «Макдональдсе» два года назад. Пришлось, когда бабушка попала в больницу в первый раз. И эту девушку я видела. Она была с компанией, которая заказала на пять тысяч и оставила на столе.

— Алиса, тебя не приглашали.

Она притворно улыбнулась:

— Неужели ты её защищаешь? Она же нищая. И ты пьёшь с ней пиво. Фу, Глеб, ты опускаешься.

Глеб.

Я услышала это имя и внутри всё похолодело. Не Коля. Глеб. Глеб Романов — наследник империи Романовых, тот самый, чьи фото пестрят в светских хрониках. Тот, кто никогда не был с девушками дольше недели.

— Ты кто? — спросила я, глядя на него.

— Лиза, я...

— Я поняла.

Я встала. Хотела уйти, но Алиса преградила путь и громко на весь зал:

— Глеб Романов защищает нищенку! Это цирк! Она, наверное, думала, что урвала счастье за хвост! А он просто развлекается, как всегда!

— Я ничего не проливали на тебя, — сказала я тихо, глядя Алисе прямо в глаза. — Я просто принесла тебе заказ два года назад. И я ухожу.

Я пошла к выходу. Каблуки предательски скользили по мраморному полу, к тому же они были не мои, а Настины. Но через несколько шагов он догнал меня.

— Не уходи. Пожалуйста.

— Зачем? Чтобы посмеяться? Или чтобы я стала очередной галочкой в твоём списке?

— Она никто. И я не играю. — Он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я не увидела лжи. Только отчаяние. — Я Глеб Романов, но для тебя — Коля. И я могу помочь найти рецепт. У меня есть связи. Я знаю старого кондитера, который работал в той кондитерской.

Я замерла. Сердце билось где-то в горле.

— Ты можешь найти его?

— Я могу попытаться. Останься. Пожалуйста.

Я молчала, глядя на него. Он повернулся к Алисе, и его голос стал холодным, как лёд:

— Она моя гостья. Если кто-то её обидит, будет иметь дело со мной. Уйди.

Алиса побелела, развернулась и ушла, но на прощание она бросила на меня взгляд, в котором было столько ненависти, что мне стало не по себе.

Мы вернулись за столик. Коля, теперь уже Глеб, достал телефон.

— Марк Соломонович, здравствуйте. Это Глеб Романов. Вы не помните рецепт «Наполеона» с икрой из кондитерской на Невском? Для бабушки одной девушки.

Я сидела, затаив дыхание. Он слушал, записывал, переспрашивал. Потом положил трубку и повернулся ко мне. Его глаза блестели.

— Основы есть. Коржи, крем, пропитка. Икра — финальный штрих. Почти всё. Марк сказал, что это был единственный рецепт, который он не записал, держал в голове. Но он помнит его. Для тебя.

Я записала рецепт в блокнот. Пальцы дрожали так сильно, что буквы получались кривыми. И слёзы потекли по щекам сами, не спросив разрешения.

— Спасибо, — прошептала я. — Ты не представляешь...

— Тогда улыбнись. Я хочу увидеть тебя ещё раз. Правда?

— Завтра я снова буду Лизой с фабрики. А ты Глебом Романовым.

— Тогда я приду на фабрику. — Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось. — И мы будем пить пиво. Я приду как Коля.

Я взяла большую коробку с тем самым Наполеоном, которую он заказал для меня. И вышла. Настя ждала у машины, заливаясь смехом.

— Ты рецепт добыла? — изумилась она, увидев моё лицо.

— Это не случайность, — ответила я, садясь в машину. — Это что-то большее.

Она посмотрела на меня и перестала смеяться.

— Лиза, ты в порядке? Ты плакала?

— Это хорошие слёзы. Поехали домой. К бабушке.

Глава 3

Дома я разбудила бабушку. Она спала в кресле, укрытая пледом, и выглядела такой маленькой и хрупкой, что у меня сжалось сердце.

— Бабуль, проснись. Открой.

Она приоткрыла глаза, увидела коробку. Её руки задрожали, когда она подняла крышку.

— Это он. Я помню этот запах. — Она вдохнула глубоко, жадно, как будто дышала этим ароматом в последний раз.

Она попробовала маленький кусочек. И заплакала.

— Тот самый. Спасибо, внушка.

Я достала блокнот.

— Это не всё. У нас почти полный рецепт. От кондитера, который работал в той кондитерской. Его зовут Марк Соломонович.

Она смотрела на меня и в её глазах было столько счастья, что я не выдержала и обняла её.

— Завтра начинаем печь.

Мы пекли три дня. Бабушка колдовала над коржами, я взбивала крем. На четвёртый раз она закрыла глаза и сказала:

— Это он. Это тот самый вкус.

Она съела целый кусок и улыбнулась так, как я не видела её улыбавшейся много лет.

— Теперь я готова, Лизонька. Я могу уйти спокойно.

— Не говори так! — Я сжала её руку. — Мы отправим заявку на «Секретный ингредиент». Ты выиграешь. Ты должна.

Она посмотрела на меня и медленно кивнула.

Мы отправили заявку. Через две недели пришло приглашение.

В телецентре было полно народу. Галина Васильевна волновалась, но я держала её за руку.

— Ты лучшая. Ты справишься.

Через час она вышла сияющая.

— Лизонька, я прошла! Они сказали, что никогда не пробовали ничего подобного. Я в шоу!

Я закричала и обняла её. А вечером написала ему:

«Она прошла кастинг. Спасибо.»

«Я так рад. Ты сегодня свободна? Я хочу увидеть тебя.»

«Свободна.»

«В клубе. В шесть. Только мы. И пиво.»

В шесть я стояла у входа. Клуб был пуст, горела только барная стойка. Он стоял там в белой футболке с двумя кружками тёмного пива.

— Ты пришла, — выдохнул он.

— Я обещала.

— Как Галина Васильевна?

— Пршла. Благодаря тебе.

— Это благодаря тебе. — Он покачал головой. — Ты достала торт. Ты нашла рецепт. Ты преодолела всё.

— С твоей помощью.

Он поставил передо мной кружку.

— Я хочу быть частью твоей жизни, Лиза. Не просто помощью. Частью.

— Я позволяю.

Он наклонился и поцеловал меня. Легко. Тепло. Как в первый раз, когда надел на меня свой браслет.

Потом мы пошли к бабушке. Она сидела на кухне, пила чай и смотрела на нас с улыбкой, в которой было всё, и мудрость прожитых лет, и радость за внучку, и лёгкая грусть человека, который знает, что времени осталось мало.

— Садись, Коля. Я как раз испекла новый торт.

Он сел. И я смотрела, как они разговаривают о шоу, о рецепте, о жизни и чувствовала, что это и есть счастье. Простое. Настоящее. Без фейсконтроля.

Глава 4

Дни летели. Мы готовились к шоу. Глеб приходил почти каждый вечер. Помогал бабушке с рецептом, сидел на кухне, пил чай. Отец не знал. Или делал вид, что не знает. Но однажды Настя прислала ссылку: «Наследник Глеб Романов встречается с нищей — пиар или любовь?»

Я открыла статью. Фото из клуба, на нём я смотрю на него снизу вверх, он держит мою руку. И фото с фабрики, на нём я в рабочем халате с уставшим лицом. И на десерт, так сказать, фото из моего прошлого, из «Макдональдса», я за прилавком, улыбаюсь. И комментарии: «охотница за деньгами», «поддельный браслет», «выгнали из Макдональдса», «очередная золотоискательница».

Земля ушла из-под ног.

Бабушка увидела статью. Она сидела за столом, на котором лежали мои наброски платья для её выхода на шоу, и молчала.

— Бабуль, ты плачешь?

— Нет, — я вытерла слёзы. — Всё хорошо.

Но было не хорошо. Я позвонила ему.

Он приехал через час. Бледный, с красными глазами.

— Я знаю, кто это сделал, — сказал он мрачно. — Алиса. Она не простила. Она хочет уничтожить тебя. И меня заодно.

— И у неё получается. Я боюсь за бабушку. Что, если это повлияет на шоу?

— Я поговорю с отцом. И с ней. Я всё улажу.

— Глеб, не надо. Это только хуже сделает.

— Я должен.

Он ушёл поздно ночью. А на следующее утро я увидела новую статью: «Глеб Романов публично порвал с Алисой. Скандал в элитном клубе».

И фото. Он стоит у барной стойки, рядом с Алисой. Она плачет. Он холоден, как лёд. Подпись: «Ты не имеешь права трогать её. Забудь о нас. Исчезни из моей жизни».

Я смотрела на это фото и не знала, что чувствовать. Гордость? Стыд? Страх?

Он пришёл вечером. Я поставила перед ним чай.

— Что сказал отец?

— Дал выбор. Либо я публично порываю с тобой. Либо ухожу из семьи. Лишаюсь всего. Он не хочет скандала.

Внутри всё оборвалось.

— И что ты выбрал?

— Тебя. — Он посмотрел на меня — и в его глазах не было сомнений. — Я не хочу быть наследником, если это значит быть без тебя.

— Глеб, ты не должен... Ты не представляешь, что значит эта фамилия. Ты не можешь просто отказаться.

— Это не жертва. Это мой выбор. — Он взял мои руки. — Я полюбил тебя не за то кем ты была. Я полюбил тебя за то кто ты есть. И я не откажусь от этого.

Я замолчала. Что можно сказать человеку, который только что отказался от всего ради тебя?

— Мы справимся, — наконец сказала я. — Вместе.

— Знаю. Поэтому я и выбрал тебя.

На следующее утро он ушёл к Алисе. Что он ей сказал я не знаю. Но статьи исчезли, как по волшебству. Через день я получила от неё сообщение: «Ты победила. Но я не прощаю. Я просто устала воевать».

Я не ответила.

А ещё через неделю в помещение нашей будущей кофейни пришёл его отец.

Мы с Глебом выбирали зал. Старый особняк в центре, огромные окна, кирпичные стены. Обсуждали ремонт, когда дверь открылась.

Вошёл Владимир Сергеевич. Высокий, седой, в дорогом пальто. Оглядел пустой зал, провёл пальцем по стене, стряхнул пыль. Я напряглась. Но Глеб спокойно кивнул:

— Говори.

— Я был у твоей бабушки, — сказал он, глядя на меня. — Она объяснила мне кое-что.

Он помолчал. Я видела, как дрогнула его челюсть, он сдерживал эмоции.

— Моя мать тоже искала этот рецепт. До самой смерти. И не нашла. А твоя нашла. Благодаря тебе. — Он перевёл взгляд на Глеба. — Я считал, что ты делаешь глупость. Но она рассказала, как твоя девушка полезла в клуб с фальшивым браслетом, хотя боялась до смерти. И как она шила ей платье, когда та уже не могла вставать. Это требует уважения.

Я не знала, что сказать. Я стояла, вцепившись в рукав Глеба.

— Я не одобряю твой выбор, — продолжил он, обращаясь к сыну. — Но я понимаю, что ты сделал его не от глупости. А от любви. И это я могу уважать.

Он вытащил конверт.

— Возьми. На ремонт. Это не возврат наследства. Это подарок. За то, что ты вернул в нашу семью память.

Глеб взял конверт, но не открыл.

— Спасибо. Но я не возьму, если это с условиями.

— Без условий. — Отец впервые за весь разговор посмотрел сыну прямо в глаза. — Просто подарок.

Он развернулся и вышел. А мы остались стоять в пустом зале, держась за руки. Я дрожала.

— Что это было? — спросила я.

— Не знаю. — Глеб смотрел на конверт. — Но это что-то новое.

Я открыла конверт. Внутри была не просто сумма, там была фотография. Та самая женщина в белом фартуке с улыбкой. Подпись на обороте: «Моей маме, которая тоже искала этот рецепт».

Я смотрела на фото и понимала, что этот суровый человек только что протянул мне руку. Не как богач, как сын, который потерял мать и не успел сказать ей главное.

Глава 5

Съёмки начались через три недели.

В студии горели софиты. Зрители заполнили зал. Галина Васильевна стояла у плиты, и я видела, как дрожат её руки. Она была бледнее обычного, но держалась.

— Всё будет хорошо, — прошептала я из зала.

Глеб сидел рядом, сжимая мою ладонь. Настя за нами, с телефоном, готовая снимать каждый момент.

Ведущий объявил:

— Третий участник — Галина Васильевна из Санкт-Петербурга! «Наполеон» с чёрной икрой. Расскажите, почему это блюдо для вас так важно.

Бабушка поправила фартук, который я сшила ей своими руками. Её голос был тихим, но уверенным.

— Я искала этот рецепт тридцать лет. В конце восьмидесятых работала в кондитерской на Невском. Мы пекли этот торт для закрытых дегустаций. Я попробовала его один раз и запомнила навсегда. Потом кондитерскую закрыли, рецепт исчез. А я так и не смогла его повторить.

Она перевела дыхание и нашла меня глазами в зале.

— Моя внучка Лиза однажды пришла домой с этим тортом. А потом нашла человека, который помог восстановить рецепт. Она сделала это ради меня. Потому что я болела, и она хотела вернуть мне надежду. — Она улыбнулась мне, и в этой улыбке была вся её жизнь. — Она шила мне платья, когда я не могла встать. Она работала на двух работах, чтобы платить за лекарства. Она отдала мне свою молодость. А я могу дать ей только этот торт.

В зале стало тихо.

— И я хочу сказать ей спасибо. За то, что не сдалась. За то, что встретила человека, который помог ей. Потому что этот торт — не просто десерт. Это история любви. Моей любви к жизни. И её любви ко мне.

Я не сдерживала слёз. Глеб молча сжимал мою руку, и я чувствовала, как его пальцы дрожат.

Бабушка начала печь. Медленно, уверенно. Я видела, как тает масло, как смешивается крем, как она выравнивает коржи. Когда она закончила, ведущий попробовал кусочек.

Он закрыл глаза. Я затаила дыхание.

— Это лучший «Наполеон», который я пробовал в жизни. Не просто торт. Искусство.

Зал взорвался аплодисментами. Бабушка смотрела на меня, и её глаза сияли. Я видела, как она опирается на стол, силы уходили, но она держалась.

— Я сделала это, — прошептала она в микрофон.

Я вскочила и закричала:

— Ты лучшая, бабуль!

А потом был финал. И когда объявили её имя, как победительницы «Секретного ингредиента», я думала, что сердце разорвётся от счастья. Бабушка стояла на сцене, держа в руках хрустальный кубок, и улыбалась. Я видела, как она смотрит в зал, ищет меня. Я помахала рукой, и она нашла меня, и в этом взгляде было столько любви, что мне захотелось остановить время.

После шоу мы вышли из телецентра. Воздух был холодным, и я дрожала. Глеб накинул на меня свой пиджак.

— Пойдём в кофейню? — спросил он тихо. — Там кое-кто ждёт.

— Кто?

— Увидишь.

Мы вошли в наш будущий зал. Пахло деревом и свежей выпечкой, бабушка ещё с утра испекла пробные круассаны, несмотря на запреты врачей. За центральным столиком сидели двое: Владимир Сергеевич и Алиса.

Я замерла. Глеб сжал мою руку.

— Отец. Что она здесь делает?

— Присядьте, — Владимир Сергеевич кивнул на стулья. — Я не для войны. Я для разговора.

Алиса подняла на меня глаза. В них не было ни злости, ни насмешки.

— Я хочу извиниться, — сказала она. — Я заказала те статьи. И я жалею об этом.

Я моргнула. Мне показалось?

— Не потому, что меня поймали. А потому что я увидела, как ты смотрела на бабушку во время шоу. И поняла, что я... никогда так на свою не смотрела. Я вообще не знаю, где она сейчас. И когда я увидела вас на сцене, я вспомнила, что у меня тоже была бабушка. Которая меня любила. И которую я предала, когда ушла в эту жизнь.

В зале повисла тишина. Слышно было только, как тикают часы на стене.

— Я не принимаю твоих извинений, — сказала я тихо. — Пока что. Но я их слышу. И это уже что-то.

Алиса кивнула и опустила глаза.

Владимир Сергеевич кашлянул. Я увидела, как он смотрит на Глеба, и в его взгляде была гордость.

— Лиза, я пришёл не для того, чтобы разбираться в ваших ссорах. Я пришёл сказать, что ошибался. Моя мать — бабушка Глеба тоже искала этот рецепт. Она умерла, так и не попробовав тот торт снова. А твоя бабушка попробовала.

Он замолчал. Я увидела, как дрогнул его кадык.

— Я думал, что это просто кулинария. Но потом посмотрел на неё на сцене. На вас. И понял, что я потерял годы, пытаюсь контролировать сына. А нужно было просто быть рядом.

Глеб не шевелился, но его дыхание стало глубже.

— Я не прошу прощения, я его не заслужил. Но я хочу быть частью этого. Если вы позволите.

Он вытащил из кармана старую, пожелтевшую фотографию. Женщина в белом фартуке, с улыбкой, точь-в-точь как у Галины Васильевны. Те же глаза. Та же добрая морщинка у губ.

— Это моя мама. Она тоже была кондитером. — Он протянул мне снимок. — И она передала бы этот рецепт вашей бабушке, как равной.

Я взяла фотографию. Пальцы дрожали. И вдруг я поняла, что этот человек, который казался мне врагом, просто был напуган. Он боялся потерять сына так же, как я боялась потерять бабушку.

— Спасибо, — прошептала я.

Алиса встала.

— Я ухожу. Я не жду, что мы подружимся. Но я больше не буду врагом. Обещаю.

Она вышла. И когда дверь закрылась, я почувствовала, как с плеч упала тяжёлая плита.

Глеб посмотрел на отца.

— Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда. — Владимир Сергеевич протянул мне папку. — И я принёс кое-что ещё. Это старые рецепты из той кондитерской. Я выкупил архив, когда она закрывалась. Держал в сейфе двадцать лет. Думал, никому не нужны.

Я открыла папку. Выцветшие чернила. Схемы. Пометки на полях. И в самом низу подпись: «Марк Соломонович. Личный рецепт 7».

— Господи, — выдохнула я. — Это же...

— Это её наследие, — закончил он. — Теперь ваше.

Я прижала папку к груди и заплакала от счастья.

После этого мы пошли гулять по набережной. Зажглись фонари. Шёл мелкий дождь.

— Лиза, — сказал Глеб, останавливаясь. — Я не умею говорить красиво. Но я хочу сказать тебе главное.

— Я тоже.

— Ты — не случайность. Ты — мой выбор. Самый правильный в моей жизни.

— Ты показал мне, что любовь не заканчивается на фальшивом браслете. Она начинается с него. — Я посмотрела ему в глаза. — Ты показал мне, что настоящая любовь существует.

— Давай построим нашу собственную VIP-зону. Без фейсконтроля.

— И где мы будем пить пиво и есть картошку.

— И твои торты, — улыбнулся он. — Много тортов.

Я подняла руку с его браслетом, тем самым, что он надел на меня в тот первый вечер. Он блеснул в свете фонарей.

— Тогда пошли строить.

Мы стояли под дождём, держась за руки. И я знала, что это только начало.

Глава 6

Через три месяца мы открыли кофейню.

Глеб сам таскал доски, несмотря на протесты отца. Я красила стены в тёплый бежевый, как бабушка хотела. Галина Васильевна варила суп для рабочих и улыбалась, впервые за долгие месяцы её глаза светились жизнью. Отец Глеба пришёл на открытие, сел за столик и заказал чай и «Наполеон».

— Хороший вкус, — сказал он, пробуя. — Как в детстве.

Он не извинился. Но он пришёл. И это было больше, чем слова.

Очередь была бесконечной. Настя привела всех своих стилистов, они снимали каждый угол, и к вечеру фотографии разлетелись по соцсетям. На следующий день очередь была ещё длиннее.

Вечером, когда последние посетители ушли, Глеб достал две бутылки тёмного пива. Мы сели у окна, глядя на засыпающий город.

— Помнишь наш первый вечер? — спросила я.

— Ты заказала пиво в VIP-клубе и сказала, что шампанское — обман.

— А ты засмеялся так, что на нас обернулся весь зал.

— Я тогда подумал «эта девушка особенная». — Он посмотрел на меня. — И оказался прав.

Он поставил бутылку и достал из кармана коробочку.

— Что это?

— Открой.

Внутри лежал браслет. Золотой, с замком-клипсой. На внутренней стороне гравировка: «VIP для двоих. Навсегда.»

Я смотрела на него и не могла дышать.

— Этот браслет я носил много лет. Когда мне было страшно или одиноко, я смотрел на него и напоминал себе, что я сильный. Но с тобой я понял, настоящая сила не в одиночестве. Она в том, чтобы довериться кому-то. — Он взял мою руку. — Теперь он твой. Он будет напоминать тебе, что ты всегда можешь на меня положиться.

Я надела браслет. Он сидел идеально, будто был сделан для меня.

— Знаешь, — сказала я, — в тот вечер я хотела просто украсть торт для бабушки.

— А я хотел похвастаться перед другом, что могу охмурить любую девушку. — Он улыбнулся. — Получилось не совсем по плану.

— Получилось лучше.

Он наклонился и поцеловал меня. Медленно, как в первый раз. Пахло дождём, свечами и пивом. .

Через две недели после открытия кофейни я поняла, что моя бабушка тает. Не то чтобы она жаловалась, она никогда не жаловалась. Просто однажды утром я вошла на кухню и увидела, как она сидит на табуретке, опершись руками о стол, и пытается отдышаться.

— Бабуль, — я подбежала к ней. — Всё нормально?

— Всё хорошо, — выдохнула она. — Просто устала немного. Вчера столько гостей было.

Я посмотрела на неё. Кожа стала почти прозрачной, а под глазами залегли тени, которые не скрывала даже её вечная улыбка.

— Бабуль, может, врача?

— Лиза, не надо. — Она мягко сжала мою руку. — Я знаю, что идёт. Я готова. Но мне нужно кое-что тебе сказать.

Она достала из кармана фартука сложенный листок. Старый, пожелтевший, исписанный её почерком.

— Это рецепт, который я записала для тебя. Тот самый, наш. Но я добавила кое-что. Свой секрет.

Я развернула листок. Внизу, под списком ингредиентов, было приписано дрожащей рукой: «Любовь. Не перепутай с маслом. Добавляй всегда. Иначе не тот вкус».

Слёзы хлынули сами. Я обняла её так крепко, как только могла, боясь сломать.

— Ты у меня самая лучшая, — прошептала я.

— Ну что ты, — она погладила меня по голове. — Это ты у меня. И Коля у тебя хороший. Я спокойна за тебя. Правда.

Через неделю она попросила меня испечь «Наполеон». Вместе. В последний раз.

Мы колдовали на кухне весь вечер. Она почти не двигалась, но глаза горели. Я взбивала крем, она заваривала чай.

— Знаешь, — сказала она, когда мы сидели за столом с куском свежего торта, — я ведь никогда не думала, что доживу до этого дня. Что увижу твой счастливый взгляд. Что ты встретишь человека, который полюбит тебя по-настоящему. Я уйду спокойно.

— Не уходи, — выдохнула я. — Пожалуйста.

— Лизонька, я не уйду. Я просто перестаю болеть.

Она улыбнулась без тени страха и откусила кусочек торта.

— Вкусно, — сказала она. — Совсем как в тот день. Спасибо тебе.

Та ночь была последней, когда я слышала её голос.

Она ушла во сне. На следующее утро я вошла в её комнату с чашкой чая, как делала всегда, и увидела, что она лежит с улыбкой. Спокойно. Руки сложены на груди, как будто она просто ждала.

Я не кричала. Я села рядом, взяла её руку и просидела так до самого приезда скорой.

Глеб примчался через полчаса. Настя через час, растрёпанная, в одной туфле, с красными глазами. Алиса прислала цветы с запиской: «Светлая память. Прости, что не успела узнать её лучше».

Поминки прошли тихо. Только близкие. Владимир Сергеевич пришёл, постоял у гроба, положил белую розу и вышел. Но я видела, он смотрел на её лицо слишком долго, как будто прощался с кем-то своим.

Мы похоронили бабушку на Волковском кладбище, рядом с дедушкой, как она просила.

Я стояла у могилы, держа Глеба за руку, и смотрела на небо.

— Спасибо тебе, — сказала я. — За всё.

Глеб обнял меня. И я разрешила себе плакать. Долго. Громко. Как в детстве, когда я потеряла родителей и бабушка нашла меня на кухне в три часа ночи. Тогда она взяла меня за руку и сказала: «Ничего, внучка. Мы справимся». И мы справлялись. Всегда.

Теперь настала моя очередь быть сильной.

Через месяц мы открыли новую вывеску над кофейней: «VIP для двоих».

Под ней, мельче, было написано: «Кофейня Галины Васильевны. Мы печём с любовью».

Первый гость, которого мы встретили на пороге, был Марк Соломонович. Старый, сгорбленный, в потёртом пальто. Он пришёл с папкой, в которой лежали его рецепты, те самые, что он хранил в голове тридцать лет.

— Я хочу, чтобы они жили, — сказал он, глядя на меня. — Она бы этого хотела.

Я кивнула. Мы начали печь. Вместе. Я взбивала крем, он замешивал коржи. И в воздухе витал запах, который я запомнила навсегда.

Глава 7

Прошёл год.

Кофейня стала известной не только в Питере, но и в Москве. К нам приезжали специально, чтобы попробовать тот самый «Наполеон» Галины Васильевны. Мы с Глебом работали каждый день. Он стал лучшим бариста в городе, шутка ли, наследник миллиардера за кофемашиной. Настя привозила блогеров и стилистов, и они снимали наши торты так, что у людей текли слюнки.

Алиса стала постоянным гостем. Мы так и не стали подругами, слишком много было сказано и сделано. Но она приходила каждую субботу, заказывала чай и торт и сидела у окна с книгой. Я видела, как она смотрит на стены, где висели старые фотографии кондитерской на Невском, и что-то внутри неё меняется.

Однажды она призналась:

— Я нашла свою бабушку. Она жива. В Пскове. Я съездила к ней. Мы помирились.

Я поставила перед ней кружку с чаем и ничего не сказала. Но она улыбнулась. И я улыбнулась в ответ.

Владимир Сергеевич приходил редко, но всегда заказывал один и тот же торт. Иногда он садился за тот самый столик, где когда-то держал меня за руку и говорил, что гордится сыном.

Он тоже изменился. Стал мягче. Однажды я заметила, как он смотрит на старую фотографию с подписью «Моей маме, которая тоже искала этот рецепт». Он стоял так долго, что я подошла.

— Владимир Сергеевич, хотите чаю?

— Хочу, — ответил он. И добавил: — Лиза, вы... вы сделали то, что я не смог. Вы вернули ей память. И мне. Спасибо.

Это были первые слова благодарности, которые я услышала от него без капли снисхождения. Я кивнула, и мы пошли пить чай.

А вечером, когда последний гость ушёл, Глеб закрыл дверь, выключил свет и подошёл ко мне.

— Лиза, — сказал он тихо. — Я хочу попросить тебя кое о чём.

— О чём?

Он встал на одно колено. Прямо в пустом зале, пахнущем корицей и ванилью. Из кармана он достал ту самую бархатную коробочку, которую я видела у него в руках уже несколько раз, но он всегда прятал её.

— Лиза, я хочу, чтобы этот браслет стал не единственным, что связывает нас. Я хочу, чтобы мы связали всё. Нашу жизнь. Нашу кофейню. Наши мечты.

Он открыл коробку. Внутри было кольцо. Простое, золотое, с гравировкой: «VIP для двоих».

— Выходи за меня.

Я смотрела на него. На его руки, которые пахли кофе. На его глаза, которые сияли так же, как в тот первый вечер в клубе.

— Да, — сказала я. — Конечно, да.

Он надел кольцо мне на палец. Оно сидело идеально. Как браслет. Как вся наша жизнь, которая стала такой, какой мы её хотели.

Мы поцеловались. И я поняла, что бабушка была права. Настоящий вкус не в рецепте. Не в ингредиентах. Он в любви. И если ты добавляешь её в нужный момент, всё становится идеальным.

Сейчас в нашей кофейне всегда есть «Наполеон» Галины Васильевны. И всегда есть тёмное пиво. И картошка фри в бумажной коробке. И браслет на моей руке — золотая змейка с гравировкой.

Каждое утро я открываю дверь, смотрю на вывеску и вспоминаю тот вечер, когда я была просто Лизой с фабрики, а он Колей-дегустатором. Когда ничего не было, кроме фальшивого браслета и желания успеть.

А теперь у нас есть всё.

VIP — это не браслет. Не клуб. Не золото. Это когда ты с теми, кого любишь. И неважно, где ты.

Настоящая VIP-зона там, где есть те, кто тебя любит. И неважно, что было в начале. Важно то, что мы построили в конце.

Наш мир. Наш дом. Наш «VIP для двоих».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.